

Доктринальная основа неотомизма: «Двадцать четыре томистских тезиса»

Р.В. Савинов*

В статье рассматривается один из важнейших источников, повлиявших на развитие неотомизма, — так называемые «Двадцать четыре томистских тезиса», обнародованные 27 июля 1914 г. и ставшие доктринальной основой интеллектуальной культуры католической церкви вплоть до 1960-х гг., до периода аджорнаменто. Выявляются общие исторические условия появления данного документа, а также его замысел. Определяется, что вариант томизма, представленный в данных тезисах, был более строгим, чем томизм неосхоластики XVIII–XIX вв., на формирование которого повлияли другие течения средневековой и постсредневековой мысли. Предлагается общий обзор содержания тезисов, подчеркивается их систематический характер, связанный с той конструкцией философии, что была характерна для неосхоластики и включала в себя такие отделы, как онтология, космология, психология и естественное богословие. Показаны некоторые особенности тезисов, в частности, их заостренность против материалистического и картезианского понимания материи, аксиоматическое утверждение о сущностной независимости мышления от телесности. При статье дается русский комментированный перевод «Двадцати четырех томистских тезисов».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: томизм, философия, богословие, неосхоластика, неотомизм, католицизм, метафизика

САВИНОВ Родион Валентинович — кандидат философских наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургской государственной академии ветеринарной медицины.

savrodion@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12 февраля 2018 г.

Цитирование: *Савинов Р.В.* Доктринальная основа неотомизма: «Двадцать четыре томистских тезиса». Священная конгрегация по делам образования. Апробированные тезисы, содержащие учение св. Фомы Аквината и предложенные преподавателями философии. Перевод с латыни и примечания Р.В. Савинова // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 111–118.

В числе философских школ XIX–XX вв. заметную роль играл неотомизм. Его формирование началось в посттридентскую эпоху, когда, наряду с церковной реформой XVI в., произошло обновление схоластики, ведущим авторитетом которой, потеснив других крупных докторов, стал Фома Аквинат. Вместе с тем, внутри этого движения, которому обычно присваивают название неосхоластики, наблюдался широкий спектр трактовок наследия Аквината: авторы XVIII–XIX вв. ориентировались на схоластические системы XVII в., предлагавшие разнообразные интерпретации учения Аристотеля и Фомы. Даже иезуиты, представляющие весьма ортодоксальный вариант томизма, признавали, что «...о св. Фоме... нужно говорить только с почетом, и каждый раз, когда будет уместно, с дорогой душой идти за ним; а если [у св. Фомы будет найдено] что-либо менее подходящее — то отступать от него с уважением и грустью» (цит. по: [Шмонин 2009, 96]). Внутри этого течения могли сосуществовать такие разные концепции, как учения Ф. Суареса и Ф. Каэтана, Иоанна св. Фомы и скотизм.

Девятнадцатое столетие поставило перед католической церковью новые задачи: если ранее томизм был истоком обновленного религиозного мировоззрения, на основе которого постсредневековой схоластике удалось выстроить широкий культурный синтез, не уступающий по масштабам тому, что формировался в рамках новоевропейской философии, то теперь потенциал томизма был использован для идейной консолидации католицизма в его противостоянии секулярной культуре [McCool 1996, 17–36].

На рубеже 1860-х – 1870-х гг., в ходе подготовки и проведения Первого Ватиканского собора, томизм становится основой как соборной теологии, так и конкретных решений папского престола. Энциклика «*Aeterni Patris*» Льва XIII (1879 г.), развивавшая основные правила собора в области интеллектуальной культуры, указывала, что «...среди схоластических учителей главою и наставником является св. Фома... Учения этого великого человека, подобно членам единого тела, собраны вместе, соединены и расположены в удивительном порядке, и содержат такие важные дополнения, что [Аквинат] справедливо и заслуженно считается главным оплотом и славою католической веры» (§ 17). Ссылаясь на позитивный опыт постсредневековой схоластики в деле разрешения актуальных культурных задач на основе учения Аквината, Лев XIII указывает на применимость этого учения и к потребностям текущего момента (§ 30). Таким образом, томизм в интерпретации схоластов раннего Нового времени ставится во главу угла, превращаясь в центр чрезвычайно интенсивной деятельности католических университетов Рима, Барселоны, Лувена и др. [Perrier 1909, 158–250].

Эта активность, связанная, с одной стороны, с усвоением традиции, исследованием подлинных текстов Аквината (в рамках выполнения распоряжения Папы было начало полномасштабное научное издание полного собрания сочинений Фомы, знаменитое *Editio Leonina*) и его современников, а с другой стороны, с необходимостью дать ортодоксальный и в тоже время адекватный ответ на притязания некатолических учений (материализма, германского и французского идеализма, трансцендентализма Канта, психологизма), привела к формированию новой напряженности, которая вылилась в борьбу с «модернизмом». Выход, найденный римской курией, состоял в эскалации консерватизма, которая не могла обойти и философию [McGinn 2014, 183–184].

В 1914 г. Пий X подтверждает, что учение Аквината является единственно признанной основной католических философии и богословия, отступление от которой неприемлемо. Спустя месяц были обнародованы «Двадцать четыре томистских тезиса», охватывающие такие разделы схоластической философии, как онтология, космология, психология и теодицея (естественная теология). Хотя преамбула списку этих положений говорит о «некоторых преподавателях из различных институтов, предложивших эти тезисы» (*nonnulli magistri diversorum Institutorum huic... theses aliquas proposuerunt*), представляя дело как коллективное движение, известно, что они были составлены иезуитом Г. Матиусси [Кириянов 2009, 33], который позже даст фундаментальный комментарий к ним. По рассмотрении этих тезисов Конгрегацией по делам образования (*Studiorum Congregatio*) и одобрения Папы они были предписаны «для преподавания и защиты» (*tradere et propugnare*).

Появление «Двадцати четырех томистских тезисов» раскололо католических интеллектуалов: если преподаватели Рима и Лувена приняли этот документ, создав к нему внушительный корпус комментариев, среди иезуитов, к которым принадлежал и сам автор тезисов, возникло стремление смягчить некоторые формулировки ради согласования с орденской традицией [Кириянов 2009, 34]. Однако, включенные в корпус канонического права как официальный папский документ, они не подлежали пересмотру, были еще раз подтверждены в 1950 г. энцикликой Пия XII «*Humani Generis*» (§ 31–33), и служили определяющим стержнем для католической мысли до периода аджорнаменто.

В целом они систематически и содержательно обобщают принципы неосхоластики предшествовавшего этапа развития католической мысли. Структурно они охватывают главные науки, рассматривавшиеся в схоластических курсах философии XIX в.: онтологию, космологию, психологию и теодицею. В этот состав, очевидно, не попадают логика, служившая пропедевтикой к курсу философии, и этика, связанная с конфессиональным богословием (что отражает принятый со времен Фр. Суареса принцип отделения философского содержания курсов от богословского).

Фундаментом онтологии являются понятия потенции и акта: актуальность привносит в бытие единство, потенциальность — множественность и различия (тезисы 1–2). Далее следует указание на учение Аквината об аналогии сущего, которое оформляет бытийное отношение Бога и творения (тезисы 4–6). Кроме физического творения есть духовное, оно «по своей сущности совершенно просто. Но состав его двоякий: сущность с существованием и субстанция с акциденцией» (тезис 7).

Телесное творение не имеет самостоятельного существования, природой тел также не является протяжение, отделимое от субстанции тел. Набор качеств, определяемый для материи, проистекает из «количественно означенной материи», составляющей принцип индивидуации и основу принципа непротиворечия: одно и то же тело не может быть в двух местах одновременно (тезисы 10–12). Отличительным признаком является то, движутся ли тела сами, если они одушевлены, или чем-то другим, если не одушевлены: вторые относятся к ведению физики, первые — к области психологии.

Психология представляет традиционное схоластическое учение о трех порядках (ordines) души (тезисы 13–17), и служит для демонстрации места человека в системе творения. Кроме установления природы органического сущего, которое характеризуется как «соединение гетерогенных частей» на основе «субстанциальной формы», она также содержит постулат бессмертия разумной души человека и независимости его мыслительной способности от мозга. Гносеологическая проблематика также непосредственно связывается с этой органической психологией: будучи нематериальным, интеллект познает подобное — отвлеченные от материального разнообразия природы (quidditates), но лишь через посредство чувственности, которой открыт мир физической телесности (тезисы 18–20). Собственный же объект познания интеллекта — сущее как таковое, но «в текущем состоянии» (при соединении тела и души) познавательные возможности человека ограничены. Примечательно, что автор тезисов возвращается к исконному томистскому интеллектуализму в вопросе о соотношении воли и разума, тогда как для схоластики XVIII–XIX вв., напротив, характерен идущий от скотизма акцент на автономии или приоритете волевых актов над интеллектуальными (тезис 21).

Теодицеей в системе неосхоластической философии называлось метафизическое учение о Боге. В ней признаются пять томистских доказательств бытия Бога, в Боге как чистом акте совпадают сущность и существование (бытие, esse); мир контингентен по отношению к Богу, который выступает творческой силой, превышающей масштаб творения, и первой причиной развития мира (тезисы 22–24).

Таким образом, в целом «Двадцать четыре томистских тезиса» задавали рамки, в которых должна была развиваться мысль неотомистов, чья задача, наряду с просветительской (преподавание) также была и апологетической. С одной стороны, предложенные Прием X рамки жестко ограничили возможности неотомистов, с другой стороны, необходимость преодоления этих рамок стимулировала поиск решений и дала толчок к творчеству многих выдающихся мыслителей XX в.

Перевод с латыни выполнен по изданию [Acta 1914, 383–386]. Перевод сверен с английским и французским переводами «Тезисов» [Garrigou-Lagrange 2013; Hugon 1920–1922]

Источник и переводы — Primary Source and Translations

Acta Apostolicae Sedis (1914) *Acta Apostolicae Sedis. Commentarium Officiale*, An. VI, Vol. VI, Typis Polyglottis Vaticanis, Romae, pp. 383–386.

Garrigou-Lagrange, Réginald (2013) *The Essence & Topicality of Thomism*, Lulu.com, Morrisville, North Carolina, pp. 61–80.

Hugon, Édouard (1920–1922) “Les vingt-quatre thèses thomistes”, *Revue thomiste*, 25e année, 1920, p. 116 et sv.; 26e année, 1921, p. 276 et sv., p. 356 et sv.; 27e année, 1922, p. 42 et sv.

Боэций 1990 — *Боэций*. «Утешение философией» и другие трактаты. Отв. ред. В.В. Майоров. М.: Наука, 1990 (Boethius, *De consolazione philosophiae* and other Treatises, Russian Translation).

Жильсон 2004 web — *Жильсон Э.* Бытие и сущность // <http://www.rulit.me/books/bytie-i-sushnost-read-197385-66.html> (Gilson, Étienne (1948) *L'être et l'essence*, Russian Translation).

- Вдовина, Шмонин 2010 – Вдовина Г.В., Шмонин Д.В. Жизнь и живое в трактатах XVII века о душе // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 3. С. 56–69.
- Вдовина 2016 – Вдовина Г.В. Species impressa: об интенциональных формах в когнитивных концепциях постсредневековой схоластики // Философский журнал. 2016. № 3. С. 41–58.
- Вдовина 2017 – Вдовина Г.В. Доказательства существования Бога в «Метафизических рассуждениях» Франсиско Суареса // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 73. С. 69–82.
- Кириянов 2009 – Кириянов Д.В. Томистская философия XX века. СПб: Алетея, 2009.
- Перлер 2016 – Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века. Пер. с нем. Г.В. Вдовиной. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Шмонин 2009 – Шмонин Д.В. Regulae professoribus, или Как иезуиты учили философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 84–99.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 12. P. 111–118

Doctrinal Foundation of Neo-Thomism: «Twenty-four Thomist theses»

Rodion V. Savinov

The article considers one of the most important sources that influenced the development of Neo-Thomism: «Twenty-four Thomist theses», promulgated on July 27, 1914, and became the Doctrinal Foundation of the Intellectual Culture of the Catholic Church until the period of «Aggiornamento». The general historical conditions for the appearance of this document are revealed, that caused its publication. It is determined that the version of Thomism that was presented in these theses was more stringent than the Thomism of Neo-Scholastics of the 18th–19th centuries, the version of which was influenced by other trends of medieval and post-medieval thought. A general overview of the theses is proposed, and the systematic construction of the theses is emphasized, connected with the design of philosophy that was characteristic to Neo-Scholasticism and included such parts as ontology, cosmology, psychology and natural theology. Some features of the theses are shown, in particular, their sharpness against the materialistic and Cartesian understanding of matter, an axiomatic affirmation about the essential independence of thinking from corporeality. The article gives a Russian translation of twenty-four Thomist theses, and commentary showing some specific features of the content of this text.

KEY WORDS: Thomism, philosophy, theology, neo-scholastics, neo-Thomism, Catholicism, metaphysics

SAVINOV Rodion V. – CSc in Philosophy, Senior Lecturer, Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine, Saint-Petersburg savrodion@yandex.ru

Received on February 12, 2018.

Citation: Savinov, Rodion V. ‘Doctrinal Foundation of Neo-Thomism: “Twenty-four Thomist theses”’, Twenty-four Thomist theses Translated into Russian by Rodion V. Savinov, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018), pp. 111–118.

DOI: 10.31857/S004287440002592-6

References

- Hugon, Édouard (1920) “Les vingt-quatre thèses thomistes”, *Revue thomiste*, 25e année, 1920, p. 116 et sv.
- Kiryaynov, Dmitry V. (2009) Thomist philosophy of the 20th century. Aletheia, St Petersburg (in Russian).
- McCool, Gerald A. (1996) *Nineteenth-century Scholasticism: The Search for an Unitary Method*, 2nd ed., Fordham University Press, New York.

McGinn, Bernard (2014) *Thomas Aquinas's Summa theologiae: A Biography*, Princeton University Press, Princeton–Oxford.

Perler, Dominik (2002) *Theorien der Intentionalität im Mittelalter*, Klostermann, Frankfurt am Main (Russian Translation 2016).

Perrier, Joseph Louis (1909) *The Revival of Scholastic Philosophy in the Nineteenth Century*, Columbia University Press, New York.

Shmonin, Dmitry V. (2009) “Regulae professoribus, or as the Jesuits taught philosophy”, *Review of Russian Christian Academy for Humanities*, Vol. 10, no. 4 (2009), pp. 84–99 (in Russian).

Vdovina, Galina V. (2016) “Species impressa: on the intentional forms in cognitive doctrines of post-medieval Scholasticism”, *Philosophy Journal*, Vol. 3 (2016), pp. 41–58 (in Russian).

Vdovina, Galina V. (2017) ‘Arguments for the Existence of God in Francisco Suarez’ Metaphysical Disputations’, *St. Tikhon’s University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies*, Vol. 73 (2017), pp. 69–82 (in Russian).

Vdovina, Galina V., Shmonin, Dmitry V. (2010) ‘Life and Alive in the Treatises “On the Soul” of the XVII Century’, *Review of Russian Christian Academy for Humanities*, Vol. 11, no. 3 (2010), pp. 56–69 (in Russian).

Священная конгрегация по делам образования

Апробированные тезисы, содержащие учение св. Фомы Аквината и предложенные преподавателями философии

После того как наш Святейший Отец Пий X в *motu proprio*¹ «Doctoris Angelici», изданном 29 июня 1914 г., торжественно предписал, чтобы во всех школах философии свято держались принципов и главных положений св. Фомы Аквината, некоторые преподаватели из различных институтов предложили Святой конгрегации на исследование данные тезисы, которые они предлагают излагать и защищать как соответствующие принципам св. доктора, прежде всего, в метафизике.

Святая конгрегация, после строгого исследования вышеназванных тезисов и доклада Святейшему Отцу, и по его Святейшему мандату, отвечает, что они непосредственно содержат принципы св. доктора и основные положения [его учения].

Эти тезисы таковы:

[Онтология]²

1. Потенция и акт так подразделяют сущее, что оно есть или чистый акт, или нечто, составленное из потенции и акта согласно первым необходимым принципам.

2. Акт, будучи совершенством, никак не ограничен потенцией, которая является способностью к совершенству. И в том смысле, в котором акт является чистым, он существует неограниченно и уникально, а в том, в чем он ограничен и множествен, он в действительности оказывается соединен с потенцией.

3. Поскольку чистым бытием (*ipsius esse*) в строгом смысле обладает только Бог, он один есть простейшее [бытие], а все прочее [сущее] лишь участвует в бытии и его природа имеет ограниченное бытие, составленное из сущности и бытия как подлинно различных начал³.

4. Сущее (*ens*), что означается от бытия (*esse*), не сказывается о Боге и творениях ни унивокально, ни эквивокально, но аналогически, и это аналогия атрибуции и пропорциональности⁴.

5. Кроме того, во всяком творении присутствует реальное соединение субсистирующего субъекта⁵ с вторичными дополнительными формами — акциденциями, и такое невозможно мыслить без принятия реального различия бытия от сущности.

6. И акциденция как таковая — это нечто относительное, или *ad aliquid* [соотнесенность с чем-то]. Ведь *ad aliquid* не означает чего-то, что отличается от другого по своей сути, но имеет причину в вещах, а также реальное отличие от субъекта.

7. Духовное творение по своей сущности всецело просто. Но в его составе присутствует двойственность: сущности и бытия и субстанции с акциденцией.

[Космология]

8. Телесное творение по своей сущности составлено из потенции и акта; таковые сущностно упорядоченные потенция и акт означаются понятиями материи и формы.

9. Ни одно из них не имеет самостоятельного бытия, не может само по себе возникнуть или разрушиться, не может полагаться в качестве категории или сводиться к субстанциальному началу.

10. Протяженность соединенных между собой частей считается природой тела, однако для тела не то же самое быть субстанцией и быть количественно. Субстанция по своей сути неделима, но не в смысле точки, а в смысле того, что существует сверх порядка размерности. Количество же, будучи выражением субстанции, реально отличается от субстанции и является в собственном смысле акциденцией⁶.

11. Количественно означенная материя является принципом индивидуации, то есть нумерического различия (которого не может быть в природе чистых духов), и это единство не делимо на части сообразно своей специфической природе⁷.

12. Количество действует так, что тело ограничено присутствует на своем месте, и таким образом, может быть только в одном единственном месте.

[Психология]

13. Тела делятся на два типа: одни одушевленные, другие лишены жизни. В одушевленных телах, где в одном и том же субъекте имеются одна часть движущая, а другая движимая, субстанциальная форма, означаемая понятием души, рассматривается как органическое расположение или [соединение] гетерогенных частей.

14. Растительный и чувствующий уровни души не самодостаточны (*nequaquam per se subsistunt*)⁸, не могут сами собой возникнуть, но суть некоторым образом начало того, что живет; они полностью зависимы от материи и образуют разделяемое единство, которое само акцидентально разрушается.

15. Напротив, душа человека самодостаточна, творится Богом, может быть вложена в субъект, в достаточной степени расположенный к тому⁹, и по своей природе неразрушима и бессмертна.

16. И эта разумная душа так соединена с телом, что образует его единственную субстанциальную форму, и благодаря ей человек имеет природу человека, живого существа, одушевленного тела, тела, субстанции и сущего¹⁰. Поэтому душа человека обладает всеми уровнями сущностного совершенства; она сообщает телу акт существования, благодаря которому существует сама.

17. От души человека естественным порядком проистекают два типа способностей — органические и неорганические: первые, с которыми связана чувственность, основаны на соединении [души и тела], вторые же [заключены] лишь в душе. Значит, интеллект — это способность, независимая от соответствующего органа.

18. Разумность непосредственно следует из нематериальности, поэтому степень разумности соответствует степени удаленности от материи. Адекватным объектом интеллекта является в целом само сущее; собственный же объект интеллекта в настоящем состоянии единства [души и тела] заключен в сущностях, абстрагированных от материальных условий.

19. Познание, следовательно, мы принимаем от чувственных вещей. Но чувственное не является актуально интеллигибельным, и прежде интеллекта, мыслящего формально, следует признать в душе активную силу, которая абстрагирует от фантазмов интеллектуальные виды (*species intelligibiles*)¹¹.

20. Благодаря этим видам мы непосредственно познаем универсалии; единичные вещи мы познаем чувствами, а [мыслим] интеллектом через обращение к фантазмам; к духовному же познанию мы возвышаемся через аналогию.

21. Далее, воля следует за интеллектом, а не предшествует ему, она необходимо стремится к тому, что представляет себе в качестве блага, полностью утоляющего это стремление, но свободно выбирает между многими благами, которые предлагаются изменчивому суждению стремлений. Значит, выбор — это итоговое практическое суждение, но что будет последним, определяет воля.

[Теодицея]

22. Бытие Божье мы не можем воспринять непосредственно, интуитивно, ни доказать *a priori*, но лишь *a posteriori*, то есть через проявления его [бытия], аргументируя от следствия к причине, например, от вещей движимых — к началу и первому неподвижному движителю, вызывающему движение; от процессов в мире, каузально упорядоченных между собой, — к первой ничем не обусловленной причине; от разрушительного, равно имеющего в себе бытие и небытие, — к абсолютно необходимому бытию; от того, что имеет минимальный уровень бытия, жизни, познания, — к тому, что в большей или меньшей степени существует, живет и познает, и, наконец, к тому, что обладает познанием, жизнью, бытием в высшей степени; от мирового порядка — к отделенному (*separatum*) разуму¹², который вещи упорядочивает, распределяет и направляет к цели¹³.

23. Божественная Сущность может быть достойно описана нами в ее метафизическом смысле как то, благодаря чему самое бытие идентифицируется в своей осуществленной актуальности, или как то, чем фундировано самое бытие (*ipsum Esse subsistens*), и как то, что своей бесконечностью направляет наш разум к совершенству.

24. В своей отделенности от всех конечных вещей Бог является самой чистой бытия как такового. Это означает, прежде всего, что мир мог произойти не иначе, как через акт творения со стороны Бога; далее, творческая сила, которая сама собой изначала вызвала бытие в качестве бытия, никаким, даже чудесным, образом не может быть сообщена конечной природе; наконец, ни один сотворенный деятель (*creatum agens*) не может вложить в бытие какой-либо эффект, кроме как благодаря движению, принятому от первой причины.

Дано в Риме, 27 июля 1914 г.

Кардинал Лоренцелли, *префект*
и
Аскенсус Дандини, *секретарь*

Примечания

¹ *Motu proprio* — особый тип папского рескрипта, где Папа выдвигает личную инициативу.

² Заголовки разделов приводятся по английскому переводу [Garrigou-Lagrange 2013, 61–80]

³ Данным тезисом фактически отвергается почти общая позиция постсредневековой схоластики, согласно которой сущность (*essentia*) и бытие (существование, *esse*) отличаются друг от друга лишь для мыслящего их разума — положение, выдвинутое критиками Аквината и в томистскую традицию введенное Ф. Суаресом [Жильсон 2004 web]. Впоследствии данный тезис станет основой для метафизики большинства крупнейших неотомистов XX в.

⁴ Это традиционное учение, составляющее одну из особенностей томизма. Учение об аналогии сущего было предложено Аквинатом и разработано доминиканцами в XV–XVI вв. Его обобщил Каэтан в трактате «*De analogia nominis*», где выделил аналогию различия, аналогию атрибуции и аналогию пропорциональности. Аналогия как метод позволяет сопоставлять и различать предикаты, тем самым познавая соотносительные свойства тех или иных сущих, в отличие от унивокации (принципа единства) или эквивокации (принципа различия). Как отмечает Э. Югон, унивокации быть не может, потому что Бог и творения различаются принципиально по своим атрибутам, эквивокация же невозможна, иначе станет невозможна телеология и естественное богословие, идущее от творений к их Причине. «Ясно, что аналогия атрибуции заключается в том, что бытие сказывается в том смысле, что творение связано с Богом, самодостаточной Полнотой бытия, как зависимое и связанное только с участием в бытии, а аналогия пропорциональности заключается в том, что бытие — это нечто внутреннее в творении и в Боге, но в Нем оно — бесконечно превосходное, полностью трансцендентное» [Hugon 1920, 132].

⁵ Быть субъектом (*subjectum*) значит быть носителем свойств, которые выступают как акциденции. Субъект является субсистирующим, если осуществляет свою природу, действует соответственно ему способом — это нечто внутреннее для него свойства.

⁶ Тезис, явным образом направленный против утверждения Р. Декарта о протяжении как сущности телесной субстанции. Критика картезианства, наряду с другими направлениями ново-европейской философии, входила в программу учебного курса и занимала обычно заметное место в его объеме.

⁷ Данное утверждение высказывается против атомизма: материя неделима и представляет собой некий качественный континуум.

⁸ То есть они не могут осуществлять субсистенцию, действовать без поддержки субстрата — материи (без материи не может быть ни роста, ни питания, ни движения).

⁹ Для того, чтобы стать субъектом (носителем) определенных свойств, сущее должно быть конституировано так, чтобы быть способным это свойство воспринять (должно иметь определенную *dispositio*). В период раннего Нового времени схоласты активно обсуждали вопрос, может ли Бог вложить свойство одушевления и познания в тело, к тому не приспособленное (например, в бревно или камень). Общий вывод гласил, что для всемогущества Божия нет предела, и мышление может быть вложено даже в камень, но оно не сможет реализоваться именно оттого, что камень к этому не приспособлен [Вдовина, Шмонин, 2010, 66–68].

¹⁰ Перечисленные характеристики являются формальным (то есть сущностным) определением человека в рамках схоластической логики. Данная дефиниция восходит к «Исагогу» Порфирия и его комментаторам, а система определений зачастую иллюстрировалась соответствующей дихотомической схемой [Бозций 1990, 56–57].

¹¹ О специфической проблематике гносеологии у Фомы Аквината см.: [Перлер 2016]; у его последователей в XVII в. — см.: [Вдовина 2016]; в неотомистской схоластике эпохи «Двадцати четырех тезисов» — см.: [Pegrier 1909, 110–115; Кирьянов 2009, 38–47].

¹² Отделенными умами (или отделенными субстанциями) назывались или чистые духи (ангелы), или активный разум (*intellectus agens*) человека, не связанный с материей (см. тезис 18). Здесь имеется ввиду Бог, в качестве чистого акта (см. тезис 2) отделенный от всякой конечности.

¹³ Поддержка традиционных пяти томистских доказательств бытия Божия была радикализована указанием на то, что таковые доказательства возможны только «*a posteriori*», то есть исходя из физического опыта и через продвижение к его основаниям. Данное утверждение действительно противоречило существовавшему в постсредневековой схоластике и унаследованному неосхоластикой XIX в. представлению о комплексном подходе к теологическим доказательствам. Традиция восходила к XXIX и XXX рассуждениям из «*Disputationes metaphysicae*» Ф. Суареса, который утверждал, что наиболее эффективны доказательства «*a priori*», имеющие более строгий характер [Вдовина 2017, 77–79].

DOI: 10.31857/S004287440002593-7